Paroženko. L. Świcki.

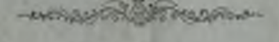

ЛЕОНАРДЪ СОВИНСКІЙ.

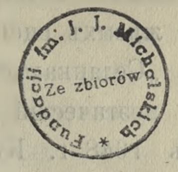
(Опытъ посмертной характеристики).

А. В. Стороженко.

Оттискъ изъ „Кіевской Старины."

КІЕВЪ
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.
1888.

ЛЕОНАРДЪ СОВИНСКІЙ.

(*Опытъ посмертной характеристики*).

Біографія.—I. Лирическія поэмы „Привидѣнія", „Изъ жизни". II. Эпическая поэма „Петро". III. Драма „На Украинѣ". IV. Переводы изъ Шевченка. V. Школьныя воспоминанія. VI. Романъ „На перекрестныхъ дорогахъ".—Заключеніе.

Со временъ люблинской уніи (1569 г.), многимъ полякамъ приходилось жить и дѣйствовать среди сплошнаго южно-русскаго населенія въ предѣлахъ Кіевщины, Волыни, Подолья, а до войнъ Богдана Хмельницкаго и лѣвобережной Украины. Большинство изъ нихъ относилось къ странѣ, ихъ пріютившей, и къ ея кореннымъ обывателямъ такъ, какъ указывали интересы польскаго шляхетскаго государства и вожделѣнія римскаго католицизма. Но нѣкоторые болѣе впечатлительные или болѣе развитые представители польскаго племени на южнорусской территоріи не могли оставаться постоянно слѣпыми орудіями государства и церкви, сжились мало-по-малу со страной и народомъ своего новаго отечества, полюбили ихъ, хотя только какъ красивую декорацію, и, продолжая чувствовать себя поляками и католиками, стали интересоваться жизнью мѣстною, стали ее изучать и изображать. Отсюда получила свое начало такъ называемая украинская школа въ польской литературѣ.

Первые слѣды украинской школы мы находимъ еще въ XVI вѣкѣ. Однимъ изъ первыхъ ея представителей мы можемъ считать Севастіана Клёновича, который въ своей латинской поэмѣ *Roxolania* (1584 г.) сдѣлалъ едва ли не первую попытку изобразить южнорусскій край, описать его города и ознакомить читателей съ нравами и обычаями его обитателей. Въ XVII вѣкѣ представителями

украинской школы мы можемъ считать авторовъ „Селянокъ“ Симона Симоновича и Варфоломея Зиморовича. Первый изобразилъ нѣсколько живыхъ сценъ изъ южнорусской сельской жизни [1]), а второй въ „Селянкахъ“ *Kosaczyzna* и *Burda ruska* [2]) попытался набросать поэтическій очеркъ похода Хмельницкаго и осады Львова въ 1648 г. Къ концу XVII в. и въ вѣкѣ XVIII-мъ, когда польская литература стала отличаться макаронизмомъ въ формахъ и панегиризмомъ въ соединеніи съ пустотою содержанія, въ сюжетахъ ея произведеній ослабѣлъ, само-собою разумѣется, и южнорусскій элементъ въ ней. Но когда прошли наполеоновскія войны и по всей Европѣ пышнымъ цвѣтомъ распустился романтизмъ во всѣхъ его видахъ и развѣтвленіяхъ, южнорусскіе поляки выступили съ цѣлымъ рядомъ романтическихъ произведеній, для которыхъ содержаніе они черпали исключительно изъ природы и народной жизни южнорусскаго края. Эти писатели объединяются въ исторіи литературы подъ именемъ украинской школы по преимуществу. Важнѣйшими ея представителями считаютъ обыкновенно Мальчевскаго, Гощинскаго и Залѣскаго. Изъ крайнихъ козакофиловъ можно упомянуть типическихъ Грозу и Чайковскаго (Садыкъ-пашу) [3]).

Въ настоящее время мы хотимъ вспомнить объ одномъ изъ писателей польско-украинской школы второстепенныхъ, но все-таки интересныхъ для насъ какъ по мѣсту его рожденія, такъ и по идеямъ его литературной дѣятельности. Мы имѣемъ при этомъ въ виду Леонарда Совинскаго. Недавняя смерть его даетъ намъ къ этому подходящій поводъ. Леонардъ Совинскій родился въ Подоліи, а именно въ литинскомъ уѣздѣ, въ 1831 году. Отецъ его былъ польскій шляхтичъ, мать—южнорусская крестьянка, православная. Самъ Совинскій говоритъ (см. Воспоминанія, стр. 186), что отецъ его, Янъ, до пріобрѣтенія земельнаго имущества въ с. Березовкѣ литинскаго уѣзда былъ долгое

---

[1]) Таковы селянки *Czary* (Лейц. изд. Бобровича 1837 г., стр. 87), *Kołacze* (стр. 68), *Pastusi* (стр. 99) и *Żeńcy* (стр. 106).

[2]) См. Лейпц. изд. Бобровича 1836 г. стр. 113 и 130.

[3]) Ср. въ „Вѣстникѣ Европы“ 1886 г. ст. Пыпина „Эпизоды изъ литературныхъ отношеній польско-русскихъ“ гл. 2. (февраль).

время учителемъ музыки въ подольской губерніи. Онъ бѣгло игралъ на скрипкѣ и на фортепьяно. Большую часть своей молодости онъ провелъ въ домѣ подкоморія Борейки въ м. Пиковѣ. Онъ руководилъ музыкальнымъ образованіемъ своего наименьшаго брата, Войцѣха, и, хорошо его подготовивши, отправилъ для окончанія занятій заграницу, гдѣ тотъ черезъ годъ могъ уже выступить передъ публикой въ концертахъ, имѣвшихъ мѣсто въ Вѣнѣ, Миланѣ, а позднѣе и въ Парижѣ [1]). Женился Янъ Совинскій по смерти Борейки на его ключницѣ. Семья Яна Совинскаго была значительная. Кромѣ Леонарда, онъ имѣлъ еще сына и нѣсколькихъ дочерей, которыя по старому закону о смѣшанныхъ бракахъ сдѣлались православными. Братъ Леонарда въ 50-хъ годахъ славился въ кіевскомъ университетѣ, какъ замѣчательный химикъ и горькій пьяница. За ничтожную плату и обильное угощеніе онъ охотно подготовлялъ фармацевтовъ къ экзамену по химіи. Впослѣдствіи онъ окончательно спился съ круга, жилъ, перекочевывая отъ одного знакомаго помѣщика къ другому, и кончилъ жизнь во время одного изъ своихъ пьяныхъ путешествій пѣшкомъ—отъ замерзанія.

Что касается до Леонарда, то первоначальное образованіе онъ получилъ дома, затѣмъ поступилъ въ межибожское дворянское училище, отсюда въ житомірскую гимназію и, наконецъ, въ кіевскій университетъ, куда поступилъ онъ въ 1847 году и окончилъ курсъ по историко-филологическому факультету въ 1851 году. Черезъ годъ онъ снова поступилъ на медицинскій факультетъ, гдѣ пробылъ до 1855 года и вышелъ, не кончивши курса. Поѣздка заграницу, во время которой Совинскій посѣтилъ почти всѣ страны западной Европы, заняла весь 1857 годъ. Италія своими художественными произведеніями оказала особенное вліяніе на характеръ его поэтическаго творчества. Съ 1858 по 1862 г. Совинскій проживалъ частью въ Подоліи, частью въ Кіевѣ. Въ эти времена онъ былъ сотрудникомъ „Виленскаго Курьера“, въ ко-

[1]) Войцѣхъ Совинскій былъ между прочимъ авторомъ музыки къ извѣстной пѣснѣ „Jeszcze Polska nie zginęła“. См. Павлищевъ, Седмицы польскаго мятежа, ч. 1, стр. 217—219.

торомъ помѣщалъ постоянныя корреспонденціи изъ Кіева, а также мелкія стихотворенія и замѣтки.

Шесть лѣтъ затѣмъ—съ 1862 по 1868 г.—Совинскій жилъ въ курской губерніи. Въ 1868 году онъ снова былъ заграницей, а по возвращеніи оттуда поселился въ Варшавѣ и занялся журнальной работой. Напряженный трудъ изъ-за куска хлѣба, склонность къ хмѣльному и разныя неблагопріятныя обстоятельства преждевременно подорвали его здоровье, и онъ умеръ въ декабрѣ прошлаго 1887 г. въ с. Стетковцахъ на Волыни. Лирикъ и романистъ, историкъ литературы и критикъ, самостоятельный поэтъ и переводчикъ, Совинскій во всякомъ случаѣ оставилъ замѣтный слѣдъ въ польской литературѣ, и его произведенія заслуживаютъ подробнаго разбора. Важнѣйшія изъ нихъ слѣдующія: 1) маленькій сборникъ сонетовъ *Widziadła*. Кіевъ 1859. 2) Отрывки изъ поэмы *Z życia*. Кіевъ 1861 [1]). 3) Поэма *Petro*. Переиздана въ „Библіотекѣ Мрувки“ № 9. 4) Драма *Na Ukrainie* Poznań. 1871. 5) Переводъ „Гайдамаковъ“ Шевченка. Переизданъ въ „Библіотекѣ Мрувки“ №№ 67 и 68. 6) *Szkolne wspomnienia*. W. 1885. 7) *Na rozstajnych drogach*. W. 1887. Нѣкоторыхъ мелкихъ его произведеній и компилятивныхъ работъ мы касаться не будемъ.

I.

Въ „Привидѣніяхъ“, фантастическомъ произведеніи, вышедшемъ въ Кіевѣ въ концѣ 1859 года, разсказывается исторія души поэта отъ колыбели до могилы. Отъ колыбели ржавчина печали въѣлась ему въ сердце и духъ мрака опуталъ дѣтскія мечтанія. Какъ ангелъ смерти, вступалъ онъ въ толпу дѣтей и своимъ печальнымъ, глубокимъ, страшнымъ, полнымъ проклятаго очарованія взглядомъ заставлялъ ее смѣнить веселый шумъ на покаянное молчаніе. Но вотъ ангелъ-хранитель сжалился надъ стономъ

---

[1]) Сочиненіе *Widziadła* и поэма *Z życia* переизданы въ собраніи стихотвореній Совинскаго, вышедшемъ въ Познани въ 1875 г. подъ общимъ заглавіемъ *Poezye* (см. Т. II, стр. 3—16 и Т. I, стр. 59—158). Въ этомъ сборникѣ изъ болѣе крупныхъ вещей помѣщены; *Satyra*, *Fragment powieści* и *Graf Jarosz*.

бѣдной души и далъ ей возможность увидѣть Пресвятую Дѣву съ Божественнымъ Младенцемъ на рукахъ. Мракъ исчезъ и на нивѣ чувствъ возрасло тихое счастье. Между тѣмъ прошли года. Наука забросала душу кучей новыхъ понятій; голова трещала отъ напора вопросовъ; въ сердцѣ бурлила лава. Святые пороги духа переступилъ геній сомнѣнія. Мысль сорвала съ божественныхъ правъ ризы идеала. Наступили проклятыя минуты заблужденія. По счастью въ то время у кладбищенскихъ ямъ появилась поэзія и сняла съ нѣмой груди печать молчанія. Пѣснь ручьемъ полилась, а въ недосягаемой дали заблисталъ огромный крестъ. Но все-таки ни упоенія поэзіи, ни любовь женщины не успокоили души поэта. Наконецъ, предъ нимъ зачернѣли нивы подвиговъ, выоранныя потомъ, засѣянныя слезами, а далеко впереди—вершины заслугъ. Чувство долга заняло мѣсто сомнѣній. Кровавый трудъ подъ крестомъ рисовалъ новую будущность, сіяющую вѣрой и могущественную своими подвигами. Святой трудъ облекся въ багряницу идеала. Между тѣмъ проклятый Духъ вступилъ на алтарь чистыхъ пожеланій и развернулъ знамя Славы. Но поэту нечѣмъ было увлечься, такъ какъ онъ понималъ, что грязь забвенія заноситъ всякое чело. Но вотъ повѣяла на душу смерть, молодая жизнь угасла и грудь подъ крестомъ отдохнула послѣ безплодной борьбы.

Изложенное нами самое раннее изъ произведеній Совинскаго отлично характеризуетъ его поэтическую манеру, обнаруживающуюся и въ послѣдующихъ плодахъ его музы. Постоянно занятый возвышенными мыслями, онъ никогда не умѣлъ выработать себѣ ясныхъ взглядовъ на природу и людей; осуждая настоящее, онъ стремился къ какимъ-то великимъ общечеловѣческимъ цѣлямъ, которыхъ ему никогда не удалось облечь въ ясно очерченные идеалы.

Отрывки поэмы „Изъ жизни“ при самомъ появленіи своемъ въ свѣтъ были недоброжелательно встрѣчены польскою критикой. И тогда справедливо упрекали ихъ автора въ стремленіи къ мистицизму и холодному умствованію. Но онъ неправильно истолковалъ себѣ сущность упрековъ и полагалъ, что не права критика, стремящаяся замкнуть поэзію въ область чувства, тогда какъ

ей должно быть доступно все поле умственной жизни человѣчества. Въ этомъ смыслѣ возражалъ Совинскій своимъ критикамъ въ предисловіи ко второму изданію поэмы „Изъ жизни“ (Кіевъ. 1861) „Духъ человѣческій“, говорилъ онъ, „безъ устали стремится къ безконечности и эти-то именно порывы и составляютъ поэзію жизни. Условіями ея обладаетъ всякое внутреннее творчество, переступающее за предѣлы холоднаго наблюденія и вдохновенное стремленіемъ къ болѣе идеальнымъ формамъ и типамъ. Творческій духъ всегда является поэтическимъ, хотя внѣшнее выраженіе его творчества можетъ и не носить признаковъ поэзіи. Я не вижу поэзіи въ формулахъ Ньютона, но вижу ее въ его мысляхъ. Планы битвъ Наполеона принадлежатъ стратегіи; но духъ, который ихъ чертилъ, навсегда останется для поэзіи однимъ изъ лучезарныхъ геніевъ. Развѣ есть одна только форма духовной жизни? Развѣ одно только чувство наполняетъ человѣческую грудь? Наши критики хотѣли бы запереть поэзію въ какомъ-то любовномъ эдемѣ... Для меня она во всемъ, что встряхиваетъ и влечетъ къ высшему существованію, что воспламеняетъ мысль и чувство. Лучше воспѣвать муки стремящагося къ высшей правдѣ духа, нежели стоны любовниковъ и свистъ соловья. Гулъ толпы, воспламененной общественной мыслью, гораздо могущественнѣе трогаетъ сердце, нежели невинная музыка майскаго утра“...

Не смотря на стремленіе поэта оправдаться передъ критикой, намъ кажется несомнѣннымъ, что поэма „Изъ жизни“ страдаетъ темнотою мыслей, неясностью образовъ и излишнею напыщенностью формы. Если ее неохотно читали при ея появленіи, то прочитать ее въ настоящее время, въ особенности русскому читателю, привыкшему къ болѣе реальному искусству, составляетъ сущее испытаніе долготерпѣнія.

Поэма Совинскаго „Изъ жизни“ состоитъ изъ вступленія и пяти картинъ. Она написана въ формѣ драмы—стихами самыхъ разнообразныхъ размѣровъ. Главная мысль ея та же самая, какая развивается поэтомъ и въ ранѣе изложенной поэмѣ „Привидѣнія“. Вѣрить не всякій способенъ, хотя только вѣра можетъ успокоить смятенную человѣческую душу; наука не въ силахъ удовлетворить человѣка, такъ какъ она не разрѣшаетъ всѣхъ со-

мнѣній, являющихся слѣдствіемъ умственной пытливости; любовь къ женщинѣ не даетъ прочнаго счастья и даже бываетъ часто причиной, затемняющей сознаніе; только подвиги для блага ближнихъ способны примирить человѣка съ жизнью, такъ какъ только они получаютъ немедленную оцѣнку и даютъ совершителю ихъ самое высшее благо—славу; вотъ то ученіе, которое поэтъ стремится подтвердить рядомъ картинъ своего произведенія. Уже въ первой картинѣ выступаетъ на сцену графъ Уго, представитель науки, не находящій въ ней удовлетворенія,—въ своемъ родѣ Фаустъ. Въ монологѣ второй картины онъ выражаетъ мысли автора о наукѣ: „Ахъ! напрасно измученная мысль летаетъ надъ колодеземъ науки... Онъ ужъ вычерпанъ до дна высохшими устами свѣта! Какъ растерзанная грудь Ніобы,—духъ окаменѣлъ въ старыхъ образахъ... Нигдѣ нѣтъ жизни!—одни только гробы, потрескавшіеся отъ усилій изслѣдующей мысли... Заваленный обломками мечтаній, горячешный, хрупкій, старый,—нынѣшній вѣкъ блуждаетъ съ нами, какъ блѣдныя полночныя тѣни надъ могилами упырей. Нигдѣ нѣтъ устоевъ, нигдѣ нѣтъ вѣры!

Вокругъ яснымъ отблескомъ краснѣютъ пожары битвъ... Всѣ солнца потухаютъ для очей—земля трескается подъ ногами... Не кончается ли свѣтъ?... О! пусть онъ гибнетъ! Но прежде, чѣмъ вѣчность его поглотитъ, отчего не откроется скрытый смыслъ его существованія, слово, трепещущее въ его лонѣ?!... Нельзя ли духу моему исчезнуть, прочитавши это слово?!..“

Въ дальнѣйшей рѣчи графъ Уго размышляетъ о тѣхъ вѣчныхъ проблемахъ человѣческой жизни и духа, которыхъ наука не въ силахъ разъяснить, терзается, отчаивается и, наконецъ, приходитъ къ убѣжденію, что жить нельзя среди развалинъ вѣры, цѣлей и желаній, что для человѣка необходима надежда. Въ послѣдней пятой картинѣ поэмы авторъ ея указываетъ, что можно найти примиреніе съ жизнью—въ работѣ для общаго блага и въ славѣ благодѣтельныхъ для человѣчества подвиговъ.

Чтобы доказать суетность женской любви, авторъ выводитъ на сцену прелестную дѣвушку Еву и юношу Адама. Въ гостяхъ у Евы два молодыхъ человѣка—Генрихъ и Адамъ. Генрихъ—

поэтъ, который свое искусство любитъ больше всего на свѣтѣ. Адамъ въ своемъ обращеніи къ Евѣ такъ себя обрисовываетъ: „Сударыня! У меня нѣтъ блестящаго краснорѣчія, я не слыву мудрецомъ; у меня только сердце въ благородной груди, полное честности и полное любви. Сударыня! я не взлечу съ тобою до неба, но охотно пойду на муки"... Между тѣмъ Ева уже въ такомъ возрастѣ, когда женское сердце рвется любить. Настроеніе ея выражается въ пѣсенкѣ, которую она поетъ гостямъ подъ аккомпаниментъ арфы: „Черноокая, гибкая, какъ изъ мрамора роскошно выточенная, — она оберегала пламя, какъ королева пламени... Грудь ея трепетала отъ вздоховъ, взглядъ ея, мрачный и задумчивый, ударялся мглистымъ лучемъ о коринѳскія колонны. Бѣдная! бѣдная весталка! Святой огонь непрерывно трещитъ, а между тѣмъ во мракѣ ея духа кипятъ безуміе и борьба... За колонной въ полутѣни думалъ греческій лютнистъ: „Какая она благородная и чистая! Какой рай въ ея очахъ!" [1]).

Когда Адамъ признался ей въ своей любви, она приняла эту любовь и сдѣлалась женой его. Но вотъ прошло нѣсколько времени; любовь Евы къ Адаму начала остывать; когда на костюмированномъ балу она встрѣтилась снова съ Генрихомъ и онъ спросилъ ее о мужѣ: „И ты все-таки жъ его любишь?", то она могла только съ горькой ироніей отвѣтить: „Кого?... его!... его!... ха, ха, ха, ха, ха!". Адамъ, бывшій случайнымъ свидѣтелемъ этой сцены, не могъ перенести удара и сошелъ съума.

Такимъ образомъ одно только остается человѣку, чтобы придать смыслъ жизни,—работать для блага ближнихъ. По этому пути пошелъ Людміръ, представитель дѣятельной воли; въ пятой картинѣ поэтъ рисуетъ, съ какимъ энтузіазмомъ встрѣтили его благодарные сограждане.

---

[1]) Типъ Евы повторяется въ небольшой поэмѣ Совинскаго „Графъ Ярошъ" въ образѣ цыганки Дивы. Богатый подольскій графъ Ярошъ, пресыщенный разгуломъ, отправляется въ лѣсъ, гдѣ натыкается на цыганскій таборъ. Его плѣняетъ необыкновенная красота двѣнадцатилѣтней дѣвочки Дивы и онъ покупаетъ ее. Черезъ нѣсколько лѣтъ Дива, получившая образованіе на средства графа, дѣлается его женой—графиней. У нихъ родится сынъ. Но старыя привычки берутъ свое: однажды

II.

Въ поэмѣ „Петро", посвященной знаменитому въ польской литературѣ Крашевскому, Совинскій переходитъ изъ области шумной, бурливой, неукротимой лирики въ область тихой, спокойной и разсудительной эпики. Въ талантѣ его сразу обнаруживаются иныя, болѣе симпатичныя стороны. Чтеніе этой поэмы „изъ жизни сельскаго люда въ Подоліи полвѣка назадъ", какъ сказано въ заглавіи, доставляетъ гораздо болѣе эстетическаго удовольствія, чѣмъ погоня вмѣстѣ съ авторомъ за неясными образами его возвышенныхъ мыслей и чувствъ. Мѣстами авторъ является такимъ привлекательнымъ повѣствователемъ, что напоминаетъ великаго Гёте въ его несравненной поэмѣ „Германъ и Доротея". Тотъ же спокойный величавый тонъ, та же отдѣлка мелкихъ подробностей, тѣ же тщательныя описанія природы—заставляютъ иногда читателя забыть Совинскаго и вспомнить Гёте, si licet parva componere magnis.

Но кромѣ художественнаго значенія поэма имѣетъ значеніе и для уясненія себѣ политическихъ и общественныхъ взглядовъ ея автора. Изъ послѣдующаго изложенія ея содержанія видно будетъ, что въ ней на ряду съ представителями простаго сельскаго люда выводятся на сцену и потомки расъ, ведшихъ продолжительную историческую борьбу съ этимъ людомъ,—шляхетско-польской и еврейской. Авторъ настолько проникся спокойнымъ тономъ своего произведенія, что забылъ войны Хмельницкаго, эпоху Руины, Уманскую рѣзню и другія событія, во время которыхъ широкіе потоки шляхетско-польской и еврейской крови были пролиты украинской рукой, и заставляетъ почтеннаго Петра искренне любить пана и симпатично относиться къ мѣстному шинкарю Іоськѣ. Автору кажется, что ни панъ, ни Іоська ничѣмъ не заслужили ненависти со стороны Петра, и что отношеніе его къ нимъ является должною данью уваженія къ родовитости перваго и къ денеж-

---

ночью Дива бросаетъ графскій домъ и убѣгаетъ въ лѣсъ къ цыганамъ. Графъ, думавшій создать счастіе на одной любви къ Дивѣ, приходитъ въ изступленіе, убиваетъ крошку-сына и наконецъ сжигаетъ себя вмѣстѣ съ предковскимъ замкомъ.

ному могуществу втораго. Впрочемъ, нужно сказать, что обрисовка „пана“ и „жида“ заставляетъ читателя примиряться съ невѣрнымъ освѣщеніемъ отношеній къ нимъ со стороны Петра. „Самъ панъ“ говоритъ авторъ, „очень любилъ, цѣнилъ и уважалъ его (т. е. Петра) и никогда не оскорблялъ Петра ѣдкимъ словомъ. За это и Петро отплачивалъ ему преданностью и уваженіемъ, которое выражалъ иногда добровольнымъ подаркомъ пану: въ панскомъ табунѣ прыгаютъ жеребята, подаренныя Петромъ; даже „карбованцы“ иногда имѣлъ онъ для пана въ запасѣ. Въ свою очередь и панъ,—что рѣдко случается на свѣтѣ, когда у него родилось первое дитя, то, не имѣя въ почтенномъ сердцѣ никакой задней мысли, пригласилъ Петра и Ивгу (жену Петра), хотя и крѣпостныхъ, къ себѣ въ кумы. Между тѣмъ кумовство—святое соотношеніе—особенно, когда его подкрѣпляетъ взаимное уваженіе“. Двѣнадцатилѣтняя дочечка пана „Маня“—это маленькій ангелъ, доброта котораго вызываетъ слезы на глаза старой Ивги. Описывая отношенія Мани къ внукамъ Петра и Ивги, авторъ прибавляетъ: „Дѣти панскія дружили съ сельскими и ихъ любилъ Тотъ Кто съ небесъ распростиралъ надъ ними крылья своей всемогущей опеки и не утиралъ въ это время сладкихъ слезъ Ивги“. Шинкаря Іоську авторъ также рисуетъ почтеннымъ бѣлобородымъ старцемъ, ищущимъ у Петра помощи и поддержки въ затруднительныхъ случаяхъ жизни. Такимъ образомъ ни гнетъ крѣпостной зависимости, ни тяжесть еврейской эксплоатаціи не возмутили спокойствія автора и не бросили своихъ мрачныхъ тѣней на его свѣтлое, жизнерадостное произведеніе. Онъ любитъ свое милое Подолье, съ сердечной теплотою изображаетъ его обитателей—православныхъ украинцевъ, но не видитъ мрачной стороны ихъ жизни, и, какъ польскій шляхтичъ, не хочетъ замѣчать всего того зла, которое принесъ имъ шляхетско-польскій строй, существовавшій на Подоліи почти до 1861 года.

Поэма „Петро“ написана вся шестистопнымъ ямбомъ. Она состоитъ изъ 4-хъ отдѣльныхъ пѣсенъ или главъ: I, Приготовленія; II, Праздникъ; III, Пиръ; IV, Осенній вечеръ. Содержаніе ея въкраткихъ чертахъ заключается въ слѣдующемъ: почтенный

хозяинъ с. Березовки Петръ Голубъ задумалъ отпраздновать большимъ пиромъ храмовой праздникъ своего села и день своихъ имянинъ—29-е іюня. Въ первой главѣ описываются „приготовленія“, какія пришлось сдѣлать Петру для вкуснаго и обильнаго угощенія гостей. Во второй—церковное торжество храмоваго праздника съ его нарядной шумливой толпой, съ его живописнымъ крестнымъ ходомъ. Въ третьей развертывается роскошная картина сельскаго пира, гдѣ у всѣхъ красныя отъ выпивки лица; гдѣ мужчины ведутъ чинные разговоры; гдѣ кумушки то кудахтаютъ, какъ куры, то каркаютъ, какъ вороны, то жужжатъ, какъ пчелы; гдѣ дѣвчата весело поютъ, а дѣтвора прыгаетъ и рѣзвится, подымая шумъ и гамъ. Наконецъ, въ четвертой главѣ рисуется осенній вечеръ въ крестьянской хатѣ. „Вотъ поле зачернѣло уже стерномъ; пшеница, жито, ячмень просыхаютъ уже въ клунѣ. Пожилые крѣпкіе работники ежедневно ихъ молотятъ: не легкая это, но благодарная для пахаря работа. Боязнь граду, слякоти для него уже не существуетъ; богатство божьихъ даровъ улыбается ему въ мысляхъ. Онъ имѣетъ богатый урожай зерна, котораго хватитъ до новаго, и достаточно соломы для отопленія хаты. Радуются въ душѣ милыя хозяюшки, не имѣя повода жаловаться на сборъ огородины. Жизнь въ селѣ въ эту пору самая веселая, а ухаживанья хлопцевъ—самыя пламенныя и смѣлыя, потому что достаточно хлѣба, а извѣстно, что голодная любовь не бываетъ ни теплой, ни довольно выгодной. Любитесь и забавляйтесь, почтенные люди, послѣ цѣлаго лѣта, проведеннаго за упорнымъ трудомъ въ потѣ лица, а мы заглянемъ въ теплую Петрову хату, опоясанную вокругъ вѣнкомъ желтой присьбы“. Всѣ домашніе Петра сидятъ за работой, самъ онъ отдыхаетъ подъ образами. Но вотъ входитъ шинкарь Іоська и начинаются разсказы о грабежахъ и убійствахъ въ Чудновской пущѣ, которые незамѣтно смѣнились разсказами о привидѣніяхъ и чертяхъ. Вдругъ въ хату вбѣгаетъ дочь Іоськи Сора съ маленькимъ Ицкомъ на рукахъ, котораго кагальные въ отсутствіе отца хотѣли захватить въ кантонисты. Ицка прячутъ въ дѣжу съ пухомъ и успокаиваются только тогда, когда прибѣгаетъ жена Іоськи и извѣщаетъ, что кагальные уже уѣхали.

Послѣ этого всѣ разошлись и семья Петра заснула. „Каждый видѣлъ свои сны, но всѣмъ чужды были черныя угрызенія испорченныхъ сердецъ и мыслей; всѣхъ охранялъ архангелъ чистыхъ душъ и прогонялъ прочь призраки печалей“. Въ этой четвертой и послѣдней главѣ Совинскій въ высшей степени правдиво уловилъ общій характеръ крестьянскихъ разговоровъ въ длинные осенніе вечера подъ завываніе бури и плескъ расходившагося дождя.

Языкъ поэмы очень гладкій и звучный, съ легкими подольскими провинціализмами, въ высшей степени красивый—особенно, если принять во вниманіе, что онъ постоянно ведетъ борьбу съ унылымъ однообразіемъ ямбическаго гексаметра.

III.

Мы уже ознакомились съ Леонардомъ Совинскимъ, какъ съ поэтомъ лирическимъ и эпическимъ. Теперь намъ надлежитъ разсмотрѣть его дѣятельность въ самой высшей области поэтическаго творчества,—въ области драмы.

Произведеніе, въ которомъ Совинскій выступилъ на новое для него поприще драматурга, это трагедія „На Украинѣ“. Нельзя сказать, чтобы названіе пьесы было выбрано вполнѣ удачно; оно указываетъ только мѣсто драматическаго дѣйствія, но не опредѣляетъ ни времени, къ которому оно относится, ни среды, въ которой происходитъ, ни тѣхъ мотивовъ, которые даютъ такое или иное направленіе поступкамъ дѣйствующихъ лицъ.

Замками для пьесы служатъ извѣстныя событія 1863 года а главнымъ дѣйствующимъ лицомъ является собственно польская шляхта. Тогдашнее возстаніе представляется Совинскому катастрофою въ высокой степени трагическою. И въ этомъ случаѣ онъ правъ. Дѣйствительно, если гибель одного человѣка вслѣдствіе неблагопріятнаго для него стеченія обстоятельствъ печалитъ насъ и заставляетъ переживать вмѣстѣ съ нимъ весь ужасъ его положенія, то тѣмъ большее состраданіе возбуждаетъ въ насъ гибель цѣлаго сословія, какъ

это случилось съ польской шляхтой въ 1863 году. Но совсѣмъ не правъ Совинскій, когда говоритъ: „Авторъ настоящей трагедіи прежде всего стремился къ тому, чтобы выяснить элементы, выступавшіе въ личностяхъ и событіяхъ послѣдняго возстанія. Они указаны въ быстро смѣняющихся образахъ, въ немногихъ лицахъ и моментахъ: но за то здѣсь нѣтъ ни одного слова, сказаннаго наугадъ, ни одной силы, которая не дѣйствовала бы въ жизни, ни одной сцены, созданной для достиженія празднаго эффекта“. Напротивъ, Совинскій совершенно невѣрно освѣщаетъ дѣятелей 1863 года и отнюдь не прочь ввести въ свою пьесу сцену, пожалуй не нужную, но способную произвести извѣстный эффектъ.

Но для кого въ настоящее время не тайна, что даже самые „красные" представители возстанія стояли на почвѣ традиціи старой Рѣчи Посполитой. Забывая совершенно объ этнографическомъ составѣ населенія тѣхъ областей, которыя принадлежали польскому государству до его раздѣловъ, они стремились возстановить это послѣднее именно въ границахъ, предшествовавшихъ 1772 году. Точно также совершенно законными представлялись имъ стремленія польской шляхты лишить бѣлорусскій и малорусскій народъ въ сѣверо- и юго-западномъ краѣ политическихъ правъ и экономической свободы и вожделѣнія римской церкви его окатоличить. Поэтому крайне фальшиво звучитъ та рѣчь, которую влагаетъ Совинскій въ уста одного изъ вождей возстанія 1863 года, Мсцислава Сенпа: „какъ прекрасно раздаются въ устахъ нашихъ пановъ девизы: семья—народность—вѣра—право—порядокъ!... Но покажите ихъ намъ въ жизни и въ дѣлахъ вашихъ, покажите урожай, добытый этимъ хозяйничаньемъ!... Безсмысленный гнетъ и трупное безсиліе духа—намѣрены приковать молодежь къ неподвижной глыбѣ... Но безъ шутокъ: это общественная связь очень хрупкая! Вы говорите намъ о вѣрѣ, которая дѣлаетъ чудеса... Гдѣ она?—Въ дремотѣ мозговъ, заѣдаемыхъ предразсудкомъ? Въ обрядѣ, который если не нагоняетъ скуки, то забавляетъ? Неужели этой вѣрой вамъ удастся отразить вра-

говъ? Вы говорите о враждѣ между сословіями, распространяемой нами... Шутите?!... Удивительно вы понимаете связь между сословіями, если мужикъ долженъ стоять на колѣняхъ, а панъ сидѣть у него на спинѣ!... Пусть старыя знамена гніютъ въ старыхъ склепахъ... Мы поднимемъ надъ главой народа иное знамя—гигантское, ибо общечеловѣческое—свѣжее, хотя и не новое! Девизами его будетъ нѣсколько истинъ, необыкновенно старыхъ, а первымъ девизомъ: Будемъ людьми! Это наша вѣра, на которую вы смотрите со старою ненавистью. Наше знамя—равенство! Только подъ этимъ знаменемъ можно въ будущемъ оставаться русскимъ или полякомъ!“ Что касается сценъ, разсчитанныхъ на эффектъ, то ихъ немало въ пьесѣ. Особенно выдѣляется одна — въ концѣ III-го акта. Когда повстанцы окружены солдатами и крестьянами, одинъ изъ нихъ Максимъ Грынь, сынъ малорусскаго крестьяннна, сознательно измѣнившій своей народности, говоритъ, обращаясь къ толпѣ крестьянъ:

„Безумные!... Позвольте намъ по крайней мѣрѣ погибнуть отъ московскихъ рукъ!“ Въ это время другой повстанецъ Янъ ломаетъ палашъ со словами: „Мы не сражаемся съ народомъ!“ Максимъ говоритъ: „Темное, забитое стадо!“, а всѣ повстанцы ломаютъ оружіе. Мужики съ крикомъ „ура!“ бросаются на безоружныхъ. Очевидно, вся эта сцена разсчитана на впечатлѣніе чисто декоративное.

Вся роль старой кастелянши введена въ пьесу исключительно для эффекта. Въ 1863 году не могла уже оставаться въ живыхъ ни одна изъ женщинъ, бывшихъ свидѣтельницами раздѣловъ Польши. Появленіе ея въ драмѣ есть крупный анахронизмъ, допущенный авторомъ исключительно для освѣщенія его политическихъ взглядовъ и убѣжденій.

Пьеса Совинскаго представляетъ намъ не изображеніе дѣятельности какого-либо героя во время возстанія, а ходъ самаго возстанія въ отдѣльныхъ характеристикахъ, сценахъ и картинахъ. Она состоитъ изъ пролога, пяти актовъ и эпилога.

Въ прологѣ авторъ знакомитъ насъ съ прошлымъ тѣхъ лицъ, которыя являются потомъ главными дѣятелями возстанія. Это—

молодой графъ Янъ Пилявецкій, сынъ мамки его Максимъ Грынь и сестра Яна—графиня Марія, позднѣе невѣста Максима, послѣдовавшая за нимъ въ ссылку. При этомъ авторъ устами матери Максима, Ганны, характеризуетъ крѣпостное право со всѣми его мрачными чертами.

І-й актъ посвященъ передачѣ тѣхъ мнѣній и умственныхъ теченій, которыя существовали въ польскихъ студенческихъ кружкахъ кіевскаго университета передъ возстаніемъ и обусловили его возникновеніе. Сеппъ является представителемъ началъ гуманности и свободы (его profession de foi мы привели выше), Рольскій отстаиваетъ преданія шляхетско-католической Рѣчи Посполитой. Къ польскому лагерю примыкаетъ товарищъ графа Яна Пилявецкаго по университету Максимъ Грынь, молочный его братъ, который, когда Янъ совѣтуетъ ему остаться въ сторонѣ отъ возстанія, говоритъ: „Да—я украинецъ и крестьянскій сынъ; я подкидышъ въ польскомъ шляхетскомъ обществѣ; такъ вотъ поэтому ты мнѣ совѣтуешь смотрѣть издали на его погромъ!... Но отъ кого я получилъ самое дорогое для человѣка сокровище? Мои чувства, вѣра, языкъ, честь, понятія,—вѣдь они изъ вашей сокровищницы вошли въ мою грудь, когда я былъ ребенкомъ? Чье же дѣло долженъ я поддержать теперь, чтобы добыть для сердца миръ, а у людей — добрую славу?!... Наконецъ, отъ васъ я получилъ хлѣбъ и свободу... Отъ тебя—благородную дружбу, безцѣнный даръ... Вотъ почему я вмѣстѣ съ тобою отдамъ Польшѣ свою молодую жизнь... Смерть я встрѣчу охотно... Намѣреніе мое неизмѣнное!“ Стоитъ вдали и относится критически къ затѣваемому возстанію учитель „русской семинаріи“, какъ выражается авторъ, въ Кіевѣ—Чарнышъ. Когда одна изъ дѣвушекъ, посѣщавшихъ студенческіе кружки, Ульяна Титаренко говоритъ, обращаясь къ Чарнышу: „Вѣдь теперешняя польская пропаганда проповѣдуетъ равенство и братство... Неужели не искренне?..“, то послѣдній отвѣчаетъ: „Подожди!.. Это не народъ... Это толпа могильныхъ привидѣній! Неужели ты считаешь возможнымъ связать трупъ съ здоровымъ тѣломъ? Тамъ нѣтъ жизни!.. То, что кажется увлеченіемъ—въ сущности отчаяніе... Порывы ихъ молодой силы—это содраганія умирающихъ ... Царство ихъ—

могилы! Передъ толпами они являются не съ творческой дѣятельностью, а съ книгою темныхъ пророчествъ и съ пересохшимъ въ порошокъ лавромъ... Неспособные къ работѣ, они пренебрегаютъ долею рабовъ и хотятъ остатки изможденной жизни предать на прекрасную смерть—послѣднюю оргію пресыщенія... Они не могутъ по-рыцарски жить, такъ хотятъ умереть! А что говорить о безтолковости въ поступкахъ, въ желаніяхъ, въ словахъ! Объ удивительной путаницѣ представленій въ головахъ!.. Гдѣ только на кипяткѣ подымается пѣна—даже среди враговъ,—тамъ вездѣ сыновья шляхты"!

Во II-мъ актѣ изображается отношеніе къ предполагаемому возстанію помѣщичьей среды. Здѣсь графъ Свирскій находитъ его безумнымъ, но за то женщины энергически побуждаютъ дѣйствовать. 26-лѣтняя княгиня Бѣльская говоритъ: „Въ сторону шутки! Если вы не думаете возставать, то мы возстанемъ—мы, какъ вы насъ тутъ видите".—Князь Бѣльскій: „Но вѣдь это возмущеніе?"—Графиня Ядвига Кёнигштейнъ: „Возмущеніе... бунтъ мы поднимаемъ и очень-очень просимъ возставать".—Графъ Пилявецкій (шутливо): „Невозможно отказать!"—Княгиня: „Итакъ—миръ?"—Ядвига (бьетъ въ ладони): „Bravissimo!.. Да здравствуетъ свобода! Сейчасъ сажусь вышивать хоругви"...

Въ III-мъ актѣ—разгаръ возстанія. Повстанцы стремятся привлечь на свою сторону крестьянъ, читая имъ „золотую грамоту". Но рѣчь военнаго начальника барона Гольца дѣйствуетъ сильнѣе, и они помогаютъ русскому войску расправиться съ повстанцами. Только небольшая группа родственниковъ и знакомыхъ Максима Грыня относится сочувственно къ полякамъ. Взгляды Максима обнаруживаются яснѣе: „Я не буду сражаться оружіемъ клеветы", говоритъ онъ; „я засвидѣтельствую то, что знаю: польское дѣло подаетъ народу свою братскую руку; самый искренній его девизъ—кровавая борьба за свободу, цѣль—побѣда или мученичество. У Москвы право народа только на цѣпи и насиліе, которое кулакомъ равняетъ сословія; примириться съ ними—позоръ и безуміе! Но знайте также, что самое благородное дѣло имѣетъ одну только будущность—страшную смерть... Одинъ урожай отъ нея—почетная слава. Поэтому я не хочу

толкать васъ на эту печальную дорогу... Слушайтесь собственныхъ сердецъ: только свободное дѣйствіе достойно жить въ потомствѣ болѣе яснаго утра".

Въ IV-мъ актѣ обнаруживается нелѣпость затѣяннаго возстанія. Одна банда разбита крестьянами, другая при помощи крестьянъ уничтожена регулярными войсками. Сами повстанцы въ эти трагическія для нихъ минуты заняты болѣе своими любовными отношеніями, нежели обороной отъ непріятеля. Главный вождь, Мсциславъ Сенпъ, кончаетъ самоубійствомъ.

Въ V-мъ актѣ авторъ стремится представить въ возможно болѣе непривлекательномъ видѣ агента русской правительственной власти—барона Гольца. Въ донесеніяхъ начальству онъ преувеличиваетъ число убитыхъ и плѣнныхъ повстанцевъ, чтобы въ большемъ блескѣ выставить свои подвиги; онъ обѣщаетъ обѣлить передъ властями графа Яна Пилявецкаго и другихъ, если графиня Марія Пилявецкая выйдетъ за него замужъ; когда баронъ Гольцъ проживалъ въ Кіевѣ, то онъ поддерживалъ сношенія съ нѣкоторыми изъ тамошнихъ радикаловъ, но теперь, когда Ульяна Титаренко говоритъ ему съ упрекомъ: „Баронъ! Гдѣ же твой прославленный либерализмъ?", онъ отвѣчаетъ: „послѣднее слово его—централизмъ, милостивая государыня!" и излагаетъ необходимость крутыхъ мѣръ по отношенію къ повстанцамъ. Автору хочется, конечно, подчеркнуть отступничество барона Гольца, хотя послѣдній въ качествѣ русскаго офицера иначе и не могъ разсуждать, не измѣняя долгу присяги.

Дѣйствіе эпилога развивается на этапномъ пунктѣ за Ураломъ. Графъ Янъ Пилявецкій близокъ къ смерти. Его окружаютъ Максимъ Грынь, мать Анна и сестра Марія Пилявецкія, невѣста Галина Свейская и мамка, мать Максима,—Ганна. Является влюбленная въ Максима Ульяна Титаренко, переодѣтая богомолкой, и предлагаетъ ему бѣгство, но онъ отказывается, не желая разстаться съ графиней Маріей Пилявецкой, которая сдѣлалась уже его невѣстой.

Если мы на основаніи драмы „На Украинѣ" попытаемся опредѣлить политическіе взгляды Совинскаго, то придемъ къ слѣдующимъ заключеніямъ. Осуществленіемъ идеальнаго государ-

ственнаго и общественнаго строя представляется Совинскому старая шляхетско-католическая Рѣчь Посполитая, хотя въ ней паны, по выраженію Боплана, блаженствовали, какъ въ раю, а хлопы мучились, какъ въ чистилищѣ. Тамъ искренняя христіанская вѣра, развитое чувство чести и справедливости, преданность долгу какъ по отношенію къ семьѣ, такъ и къ обществу—составляли обыкновенныя качества зауряднаго гражданина. Даже женщины того времени были насквозь проникнуты этими добродѣтелями. Представительницею такого типа женщинъ въ трагедіи „На Украинѣ“ является старая каштелянша, которая въ минуты самой страшной опасности, грозящей ея близкимъ, не забываетъ своихъ общественныхъ и семейныхъ обязанностей (см. стр. 115—117, 162—168). Жалкими преемниками людей тѣхъ временъ являются въ глазахъ Совинскаго дѣятели польскаго возстанія 1863 года. Въ нихъ нѣтъ предковскихъ доблестей, и въ лучшемъ случаѣ ихъ хватаетъ только на пассивное сопротивленіе. Нѣкоторые доходятъ до того, что обращаются къ русскому офицеру, усмиряющему возстаніе, со словами: „Нашъ избавитель! Отъ имени цѣлаго общества мы приносимъ тебѣ самое торжественное выраженіе благодарности! Ты повергнулъ революцію подъ ноги порядка: итакъ еще разъ благодарю тебя отъ имени Европы и еще разъ жму твою мужественную руку“ (слова князя Бѣльскаго къ барону Гольцу—стр. 159). Будущее польскаго народа рисуется автору въ мрачныхъ и неясныхъ обликахъ. Изъ разбора его лирическихъ стихотвореній мы знаемъ, что любовь къ ближнимъ и работа на ихъ пользу должны быть, по мнѣнію автора, краеугольными камнями зданія этого будущаго.

IV.

Въ своихъ литературныхъ занятіяхъ Леонардъ Совинскій не ограничивался однимъ только самостоятельнымъ творчествомъ. Будучи уроженцемъ подольской губерніи и зная прекрасно по-малорусски, онъ не могъ, какъ поэтъ, не увлекаться поэзіей Шевченка, и отсюда понятно, почему онъ такъ охотно занимался переводами изъ „Кобзаря“. Къ этому присоединялось желаніе

ознакомить польскую публику съ писателемъ, который блескомъ огромнаго таланта по своему освѣщаетъ прошлое польскаго народа и отношеній его къ украинскому. Занимаясь переводами изъ Шевченка, Совинскій долженъ былъ, конечно, уяснить себѣ значеніе писателя, изъ котораго онъ переводилъ, и характеристическія черты его. Таково происхожденіе этюда „Тарасъ Шевченко", составляющаго какъ бы введеніе въ переводъ „Гайдамаковъ". Совинскій перевелъ сполна „Гайдамаковъ", „Наймычку" и „Пустку" (изд. 1883 г. стр. 232—233), да кромѣ того въ этюдѣ приведено въ стихотворномъ переводѣ много отрывковъ изъ другихъ пьесъ Шевченка. Переводы Совинскаго отличаются близостью къ подлиннику при звучности и красотѣ стиха и въ этомъ отношеніи должны быть поставлены выше переводовъ Горжалчинскаго и Сырокомли.

Въ этюдѣ о Шевченкѣ Совинскій приводитъ въ переводѣ извѣстную автобіографію поэта, написанную имъ по приглашенію редактора журнала „Народное Чтеніе", а затѣмъ подробно передаетъ содержаніе „Кобзаря" 1860 г. Характеристическими чертами духовнаго образа Шевченка Совинскій считаетъ: 1) пламенную любовь къ крестьянскому люду; 2) ненависть и презрѣніе ко всякому насилію; 3) страстное сознаніе испытанныхъ горестей и униженій; 4) склонность къ простонародному фатализму, отрицающему Провидѣніе и волю; 5) сознаніе собственной правоты и искреннее проникновеніе народною мыслью, признаваемою съ полнымъ довѣріемъ справедливою и святою (стр. 14). „Наймычку" Совинскій справедливо считаетъ самымъ христіанскимъ изъ всѣхъ произведеній поэта (стр. 40). За „Гайдамаковъ" Совинскій слѣдующимъ образомъ осуждаетъ Шевченка:

„Воображеніе поэта остановилось на Коліивщинѣ—и въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: вѣдь поэзія любитъ стоны тысячъ и окровавленныя развалины. Тарасъ не первый опьянѣлъ отъ гайдамацкихъ пожарищъ; они вдохновили нѣсколько лѣтъ тому назадъ одного изъ знаменитѣйшихъ польскихъ пѣвцовъ [1]). Но Шевченко не ограничился только выборомъ предмета; онъ

[1]) Словацкаго.

вознамѣрился оправдать дѣяніе, которое въ глазахъ исторіи навсегда останется самымъ гнуснымъ преступленіемъ. Для достиженія поставленной цѣли поэту необходимо было обострить тогдашнія отношенія обѣихъ сторонъ, обобщить значеніе мѣстныхъ взрывовъ и въ основу движенія, обнаруживающаго дезорганизацію и нравственный упадокъ племени, положить какую-либо творческую и благородную мысль. И вотъ пѣвецъ громоздитъ все то, что угнетало Украину отъ временъ Сигизмунда III, переноситъ ужасы военныхъ набѣговъ въ область долголѣтняго мира, самымъ гнуснымъ образомъ клевещетъ на барскую конфедерацію; очернивши такимъ способомъ противный лагерь, онъ вывѣшиваетъ надъ своимъ знамя независимости исповѣданія и родины. Живое преданіе и свидѣтельства очевидцевъ достаточно опровергаютъ вымыслы поэта. Ихъ можно объяснить только незнаніемъ, которое самъ Шевченко сознаетъ въ предисловіи. Впрочемъ, если мы прослѣдимъ развитіе, которое сообщилъ авторъ дѣйствію своей поэмы, то мы еще разъ убѣдимся, что исторіи сочинять нельзя и что памятная уманская катастрофа была въ лучшемъ случаѣ взрывомъ безумной мести и разрушительнымъ, на широкую ногу затѣяннымъ разбоемъ.

Болѣе тяжкимъ еще является другой упрекъ, который лежитъ у насъ на сердцѣ. Народный поэтъ долженъ быть христіаниномъ. Позлащая поэзіей чувства и поступки простаго народа, онъ тогда только стоитъ на высотѣ своего призванія, когда поднимается надъ ошибками и увлеченіями толпы, ставитъ ихъ на ряду съ идеаломъ на судъ предвѣчной правды, правящей судьбами личностей и народовъ. Душа сельскаго пѣвца является воспитательницею его народа. Плачъ ея и веселье должны поднимать и облагораживать братьевъ. Пѣснь, раздраженная страстью, отравленная ненавистью и мщеніемъ, дышащая кровью и пламенемъ,—можетъ оказывать вліяніе, но не можетъ быть созидающей и облагораживающей. Подумалъ ли объ этомъ авторъ „Гайдамаковъ“? Трудно его оправдывать въ этомъ отношеніи. Въ цѣлой поэмѣ, отъ начала до конца, только немногія мѣста сіяютъ болѣе благородной мыслью. Почти вездѣ насъ поражаетъ солидарность пѣвца съ героями его пѣснопѣній, вездѣ историческое прови-

дѣніе разбивается о безсмысленный фатализмъ, вездѣ идеалъ гражданско-христіанской свободы понижается до вожделѣній безтолковаго равенства и распущеннаго своеволія".

Приведенныхъ отрывковъ, кажется, совершенно достаточно, чтобы убѣдиться, на сколько невѣрное представленіе имѣлъ Совинскій о духовномъ образѣ Шевченка и о характерѣ его поэзіи. Кто близко знакомъ съ произведеніями Шевченка, тотъ знаетъ, что поэтъ является въ нихъ не фаталистомъ, отрицающимъ волю и Провидѣніе, а скорѣе смиреннымъ христіаниномъ, безропотно принимающимъ всѣ испытанія, какія волѣ Божіей угодно было на него ниспослать.

Какъ искреннему христіанину, Шевченку было крайне тяжело воспѣвать въ „Гайдамакахъ" братоубійственную борьбу поляковъ съ украинцами, но онъ находилъ это для себя обязательнымъ: „серце болыть, а росказувать треба: нехай бачять сыны и внукы, що батькы ихъ помылялысь, нехай братаються знову съ своимы ворогамы, нехай жытомъ—пшеныцею, якъ золотомъ покрыта, нерозмижованою останеться на викы одъ моря и до моря славянская земля".

Не менѣе несправедливъ со стороны Совинскаго упрекъ въ томъ, будто Шевченко стремится въ изображеніи польско-украинскихъ отношеній „сочинять исторію". Напротивъ, нужно только изумляться той прозорливости, съ какою поэтъ, не обладая никакою историческою подготовкою, успѣлъ тѣмъ не менѣе опредѣлить вполнѣ вѣрно основныя причины вражды украинцевъ къ полякамъ. Теперь историческая наука убѣждена, что къ разрыву между Польшей и Малороссіей повело два обстоятельства: стремленіе польскаго шляхетства закрѣпостить украинскій народъ, лишивъ его гражданскихъ правъ и экономической свободы, и стремленіе римской церкви его окатоличить.

Указывая на невѣрное пониманіе Совинскимъ личности и поэзіи Шевченка, мы можемъ привести въ его оправданіе то обстоятельство, что въ то время, когда онъ писалъ свой этюдъ о Шевченкѣ, не были изданы не только всѣ русскія, но и многія изъ малорусскихъ сочиненій поэта. Теперь, когда „Кобзарь" по-

полненъ всѣмъ, что только могло быть напечатано, и когда вышли въ свѣтъ всѣ русскія сочиненія Шевченка,—сужденія Совинскаго были бы непростительными.

V.

До сихъ поръ мы видѣли Леонарда Совинскаго, какъ экзальтированнаго, по выраженію проф. Неринга, поэта; теперь намъ предстоитъ познакомиться съ нимъ, какъ съ талантливымъ разсказчикомъ въ прозѣ.

Наиболѣе интересное изъ прозаическихъ произведеній Совинскаго—это, безспорно, его „Школьныя Воспоминанія". Они охватываютъ время пребыванія автора въ межибожскомъ сверхштатномъ дворянскомъ училищѣ и въ житомірской губернской гимназіи, съ 1839 по 1847 годъ. Это было то переходное время, когда въ замѣнъ польской школы начала возникать и развиваться новая школа—русская.

„Воспоминанія" Совинскаго, какъ всякія „школьныя" воспоминанія, посвящены исторіи умственнаго и нравственнаго развитія ихъ автора и характеристикѣ товарищей и учителей. Этого рода литературныя произведенія пріобрѣтаютъ интересъ въ зависимости отъ духовнаго достоинства ихъ автора, а также отъ мѣста и времени, къ которымъ они относятся. Нельзя, напримѣръ, сравнивать по степени интереса „Дневникъ стараго врача" Н. И. Пирогова съ воспоминаніями какого-нибудь военнаго человѣка прежнихъ временъ, которыми такъ щедро надѣляютъ своихъ читателей наши историческіе журналы. Если первый дѣйствуетъ на душу возвышающимъ и облагораживающимъ образомъ и оставляютъ по прочтеніи свѣтлое впечатлѣніе, то послѣднія только раздражаютъ грубостью изображаемаго въ нихъ быта. „Воспоминанія" Совинскаго заключаютъ въ себѣ всѣ условія, чтобы быть занимательными: талантливая личность автора, неустановившійся школьный бытъ, дающій широкій просторъ индивидуальному развитію, прелестная природа Подолья и Волыни, строй жизни, носящій на себѣ еще слѣды всевозможныхъ историческихъ наслоекъ,—все это переливается передъ очами читателя,

освѣщенное лучами крупнаго литературнаго дарованія, и до того увлекаетъ, что нельзя оторваться отъ книги, не дочитавъ ее до конца.

Теперь представляется вопросъ: правдивъ ли разсказъ Совинскаго и можно-ли на него полагаться при изученіи людей той эпохи, къ которой онъ относится? Авторъ его говоритъ: „учителя мои—всѣ уже безъ сомнѣнія въ могилахъ (а можетъ гдѣ-либо между крестами и блуждаетъ какой ветеранъ, высматривая себѣ мѣстечко на могилу...); поэтому никакія личныя побужденія, никакія испытанныя оскорбленія не исказятъ правды подъ моимъ перомъ“; но мы имѣемъ данныя, чтобы сомнѣваться въ справедливости этого увѣренія. Дѣло въ томъ, что Совинскій, какъ было замѣчено выше, страстный польскій патріотъ, а всякій излишній патріотизмъ страдаетъ дальтонизмомъ и не замѣчаетъ ничего темнаго въ своихъ и ничего свѣтлаго въ чужихъ. Вотъ почему, когда ему приходится рисовать портреты своихъ учителей—русскихъ и поляковъ, то темныя краски щедрою рукою сгущаются на первыхъ и свѣтлыя—на вторыхъ. Въ подтвержденіе сказаннаго возьмемъ характеристики двухъ учителей межибожскаго училища—Демковича и Стульчинскаго. Изъ хода разсказа чувствуется, что оба были заурядными учителями захолустнаго межибожскаго храма наукъ и мало отличались другъ отъ друга какъ въ хорошую, такъ и въ дурную сторону [1]); между тѣмъ какая разница въ изображеніи!

Демковичъ—малороссъ. Авторъ цѣлый годъ прожилъ у него на квартирѣ, когда былъ ученикомъ приготовительнаго класса, и теперь, вспоминая о немъ, не упускаетъ случая, чтобы выставить на видъ его пьянство, грубость, невѣжество, неискренность, отсутствіе заботливости о ввѣренныхъ ему ученикахъ. Жену его авторъ иначе не называетъ, какъ „грязной мегерой“. Стульчинскій—полякъ. У него авторъ также стоялъ на квартирѣ и теперь не жалѣетъ красокъ, чтобы представить его въ болѣе привлекательномъ видѣ: милый, образованный, сердечный—вотъ

[1]) Развѣ одинъ былъ низкаго (Демковичъ), а другой—высокаго роста (Стульчинскій), хотя оба были рябые отъ оспы.

тѣ постоянныя epitheta ornantia, которыми онъ его надѣляетъ. Жена Стульчинскаго рисуется также милой подвижной дамочкой лѣтъ 40.

Не смотря однако на такое неравномѣрное распредѣленіе симпатій автора, книга его, повторяю, интересна и навсегда останется однимъ изъ выдающихся литературныхъ произведеній въ области польскихъ мемуаровъ.

VI.

Едва ли не послѣднимъ литературнымъ произведеніемъ Совинскаго является большой романъ его въ 3-хъ томахъ, озаглавленный: „На перекрестныхъ дорогахъ“ [1]). Въ концѣ авторской карьеры и жизненнаго пути ему вздумалось съ вершинъ поэзіи, гдѣ свободно разгуливала его фантазія, создавая идеальные образы и упиваясь благоуханіемъ правды, добра и красоты,—спуститься въ обыкновенный человѣческій муравейникъ. Совинскій поставилъ своей задачей изобразить аристократическое польское общество на Подоліи въ концѣ семидесятыхъ годовъ и показать то вліяніе, какое оказывали на него крайнія нигилистическія ученія, столь сильно волновавшія русское общество десять лѣтъ назадъ. Задача эта близко родственна той, которую преслѣдовалъ Тургеневъ въ романѣ „Новь“, и нужно признать, что выполнена она неудачно. Совинскій по слухамъ только зналъ людей, изображенныхъ въ его романѣ. Герои этого романа—не живые люди съ плотью и кровью, творящіе будничную дѣйствительность, а восковые манекены съ соотвѣтственными ярлычками: „террористъ“, „нигилистъ“, „добродѣтельная дѣвица“, „богомольная дамочка“, „дама для аѳинскихъ ночей“ и пр. На каждомъ шагу замѣтно, что авторъ беретъ краски для своихъ картинъ не изъ запаса собственныхъ наблюдеій и впечатлѣній, а изъ слуховъ, которые доходили до него въ газетныхъ пересказахъ. Недавно Спасовичъ поднялъ вопросъ о „просачиваніи„ польской литературы въ русскую. Не

---

[1]) Вышелъ въ Варшавѣ въ 1887 г.; цензурныя разрѣшенія помѣчены 18 декабря 1885 г. и 28 марта 1886 г.

интереснѣе ли будетъ поставить обратный вопросъ: о „просачиваніи“ русской литературы въ польскую, котораго поляки конечно, не допускаютъ? Что касается романа Совинскаго, то въ немъ чувствуются осадки, оставшіеся въ сознаніи авторовъ послѣ чтенія „Нови“ Тургенева и „Кружковщины“ Незлобина (Дьякова; онъ же—„Житель“).

Общая мысль, которую Совинскій проводитъ въ своемъ романѣ, заслуживаетъ полнаго одобренія, хотя она и отдаетъ труизмомъ. Она заключается въ слѣдующемъ. Въ жизни каждую минуту мы имѣемъ передъ собою много перекрестныхъ дорогъ. Вѣроятно, ни одна изъ нихъ не ведетъ къ правдѣ и къ абсолютному счастью. Но есть непогрѣшимый компасъ, который указываетъ, какую дорогу слѣдуетъ избрать, и всегда можетъ довести человѣка до цѣли его назначенія. Компасъ этотъ—общее благо. Въ семействѣ ли, или въ свѣтѣ и жизни общественной, но человѣкъ, руководящійся имъ, всегда остается чистымъ, почтеннымъ и сильнымъ. Жаль только, что ни одинъ изъ героевъ романа не принялъ ея къ свѣдѣнію; всѣхъ ихъ ожидаетъ поэтому печальный конецъ. Авторъ справедливо говоритъ о нихъ: „Не говоря уже о душахъ, испорченныхъ окончательно вслѣдствіе дурнаго воспитанія и отвратительныхъ примѣровъ, но даже благородныя сердца, подъ вліяніемъ ли наслѣдственности или стремленія къ плохо понятой самостоятельности,—очень часто истощаются въ ненужной ни для кого борьбѣ и отчаянномъ метаніи изъ стороны въ сторону. Одни мечтаютъ о наукѣ, о славѣ, о поэзіи, о великой любви, другіе упиваются туманнымъ мистицизмомъ, а когда станутъ передъ жизненной дѣйствительностью и увидятъ передъ собою множество перекрестныхъ дорогъ, то тогда, не зная, какую изъ нихъ выбрать, блуждаютъ во тьмѣ и очень часто падаютъ въ пропасть“. (т. III, стр. 250).

Въ заключеніе изложимъ фабулу романа. Петербургскій студентъ Горнъ, побочный сынъ графа Вальдбурга, пріѣзжаетъ на каникулы въ гости къ своему товарищу графу Станиславу Сасъ-Пшыемскому, въ с. Сасово подольской губерніи. По дорогѣ онъ ночуетъ въ м. Тополинцахъ въ корчмѣ Мошки Ушицкаго, гдѣ

знакомится съ сыномъ корчмаря Ицкомъ, одесскимъ студентомъ. Оба оказываются принадлежащими къ нигилистической партіи.

Семейство графовъ Сасъ-Пшыемскихъ состоитъ изъ старухи матери, двухъ вдовствующихъ сестеръ Цециліи и Розы, старшаго брата Петра, самого Станислава и младшей сестры Ксеніи. Мать женщина непріятнаго характера, занята исключительно молитвой и поддержаніемъ аристократическаго этикета. Изъ вдовствующихъ сестеръ одна, Цецилія, набожная девотка, влюбленная въ родственника ксёндза о. Прота; другая, Роза, легкомысленная дамочка, ищущая любовныхъ приключеній. Графъ Петръ—это какая-то невѣроятная смѣсь разгульнаго польскаго пана-козакофила 40-хъ годовъ съ русскимъ нигилистомъ 70-хъ. Онъ одновременно содержитъ обширный гаремъ и поддерживаетъ въ своемъ околоткѣ аграрное движеніе. Станиславъ—скромный малый, съ увлеченіемъ занимающійся химіей. Наконецъ, излюбленная авторомъ Ксенія—это поэтическая дѣвушка, преисполненная всякихъ возвышенныхъ добродѣтелей, но совершенно неспособная къ практической жизни.

Какъ только Горнъ поселился въ Сасовѣ, то тотчасъ же началъ вести различныя интриги, которыя были, повидимому, его сферой и замѣняли для него всякое серьезное дѣло. Началъ онъ съ Баси, служившей у Ксеніи горничной. Графъ Петръ похитилъ ее для своего гарема и спряталъ на время въ укромномъ уголкѣ, въ домѣ одного отставнаго учителя. Но неизвѣстно почему обратилъ на нее свое вниманіе Горнъ, открылъ ея убѣжище, влюбилъ въ себя и уговорилъ бѣжать отъ графа Петра въ Кіевъ, гдѣ сдѣлалъ ее послушнымъ орудіемъ нигилистической партіи.

Между тѣмъ имущественныя дѣла графини Сасъ-Пшыемской таковы, что нужно было найти для Ксеніи богатаго жениха. Для этого она возобновляетъ давно прерванныя сношенія съ сестрой своей, княгиней Прусъ-Бельзской, проживающей въ г. Самославѣ. У княгини, между прочимъ, дочь Берта—бойкая свѣтская дѣвица, нѣсколько циничная. Впослѣдствіи она настолько увлекаетъ распутнаго графа Петра, что тотъ на ней женится. Желанные женихи являются, но Ксенія не соглашается продать

себя изъ за видовъ матери и предпочитаетъ выйти замужъ за своего опекуна—пожилаго Владиміра Щуку.

Съ другой стороны Горнъ долженъ бѣжать изъ Кіева, гдѣ онъ между тѣмъ проживалъ. На простой телѣгѣ въ крестьянской одеждѣ пробирается онъ въ Сасовъ, гдѣ и заболѣваетъ воспаленіемъ мозга. Когда онъ выздоровѣлъ, благодаря разумной медицинской помощи доктора Сальма, то графъ Петръ помогъ ему бѣжать заграницу. Тамъ онъ соединился съ одной изъ вдовствующихъ дочекъ графини Сасъ-Пшыемской, Розой, и сталъ жить на ея счетъ, ведя какую-то пропаганду.

По сосѣдству съ Сасовымъ проживала нѣкая княгиня Свирская. Крестьянка по происхожденію, она была сначала у князя экономкой, но потомъ вышла за него замужъ. У нея была внѣбрачная дочь Эмма Былевская. Эта дѣвица страстно влюбилась въ графа Станислава и такъ какъ послѣдній колебался на ней жениться, то однажды она сама пріѣхала къ нему ночью верхомъ, заставила его лишить ее невинности и такимъ образомъ женила на себѣ.

Женитьба Станислава и выходъ замужъ Ксеніи совершенно измѣнили строй жизни въ Сасовѣ. Тамъ остался Станиславъ съ молодой женой, между тѣмъ какъ Ксенія съ мужемъ переселились въ имѣніе послѣдняго Вѣнецъ, гдѣ хозяйничала сестра его Марцелина. Разныя волненія настолько разстроили здоровье Ксеніи, что мужъ, по совѣту врачей, повезъ ее въ Италію. Здѣсь, въ Венеціи, Ксенія встрѣтилась съ молодымъ польскимъ поэтомъ—Морой. Оказалось, что уваженіе къ мужу не въ состояніи заглушить потребность любви, и вотъ Ксенія со всею силою страсти привязывается къ Морѣ. Между тѣмъ и Горнъ, проживавшій также въ Италіи, оказывается влюбленнымъ въ Ксенію. Узнавши, что она неравнодушна къ Морѣ, онъ рѣшается убить послѣдняго. Сообщниками его являются родственники любовницы Моры, неаполитанской рыбачки Пепиты. Они хотѣли отомстить поэту за то, что онъ обольстилъ Пепиту. И вотъ, подстерегши Мору съ Пепитой въ одной кофейнѣ, они сдѣлали покушеніе на ихъ жизнь. Пепита вскорѣ умерла въ больницѣ, но Мора остался живъ. Отношенія его къ Ксеніи перешли мало по малу въ пыл-

кую взаимную любовь, которая кончилась паденіемъ Ксеніи. Горнъ не могъ перенести такого хода событій. Онъ снова покусился на жизнь Моры, хотя за нимъ слѣдили, какъ за убійцей одного банкира, но былъ во-время арестованъ.

Между тѣмъ въ Римъ, гдѣ все это происходило, пріѣхалъ графъ Станиславъ. Онъ былъ очень несчастливъ съ женой и долженъ былъ окончательно разойтись съ нею въ Парижѣ. Свиданіе его съ сестрой было самое трогательное. Но онъ не могъ перенести своего несчастья и умеръ въ ту же ночь отъ удара.

На Ксеніи поѣздка въ Италію отразилась роковымъ образомъ. На чужбинѣ еще она перенесла воспаленіе мозга, а по возвращеніи домой въ родное Подолье у нея обнаружилась чахотка. Конецъ не заставилъ себя долго ждать.

Такова фабула романа Совинскаго. Нужно отдать справедливость автору, что онъ съумѣлъ сдѣлать ее необыкновенно запутанною, но отъ этого достоинство произведенія не выиграло. Отъ него такъ и вѣетъ парижскимъ бульваромъ. Тамъ бы ему и было мѣсто, а не на скромной лужайкѣ литературы польской.

Разсматривая литературную дѣятельность Совинскаго во всей ея совокупности, мы во всякомъ случаѣ должны признать, что поэтъ былъ представителемъ прогрессивнаго направленія въ польской литературѣ и что онъ неуклонно стремился утвердить въ сознаніи польскаго образованнаго общества убѣжденіе въ необходимости для нормальнаго развитія общественной жизни—общественныхъ идеаловъ, безъ которыхъ немыслимо и личное счастье. Эту мысль онъ настойчиво преслѣдуетъ во всѣхъ своихъ произведеніяхъ, приводя въ подкрѣпленіе ея доводы и прямые, и отъ противнаго. Но традиціи того шляхетско-польскаго круга, къ которому онъ принадлежалъ, оказали все-таки на него свое могущественное вліяніе. Этимъ объясняется: 1) что общественный строй старой Рѣчи Посполитой представлялся ему иногда идеаломъ общественнаго устройства; 2) что онъ не сумѣлъ разглядѣть въ Шевченкѣ поэта всечеловѣческаго значенія; 3) что все русское возбуждало въ немъ невольную антипатію.

Что касается личнаго темперамента Совинскаго, то онъ самъ прекрасно характеризуетъ его словами Моры въ „Перекрестныхъ дорогахъ“ (см. Т. III, стр. 150):

„Я не легкомысленъ, но имѣю черезъ-чуръ живое воображеніе и не могу быть равнодушнымъ къ красотѣ въ самыхъ разнообразныхъ ея формахъ, хотя бы послѣднія окутывали самую отвратительную нравственную грязь. Въ подобныхъ случаяхъ со страстнымъ увлеченіемъ у меня никогда не соединяется языческое поклоненіе предмету моей страсти,—паденіе сердца и духа, отреченіе отъ болѣе высокихъ и благородныхъ цѣлей. Идеалъ мой всегда остается чистымъ и незапятнаннымъ. Вѣдь обо мнѣ сказалъ другой поэтъ: „Онъ всегда любилъ бездонныя пропасти, темныя вершины скалъ и полусонныя очи тигровъ, смерть въ объятіяхъ и мечъ, повисшій надъ шумнымъ пиромъ, и ту проклятую красоту, отъ которой на тысячу миль несетъ измѣной... Но онъ любилъ также долгъ съ суровымъ и блѣднымъ челомъ и славилъ—тёрны мукъ, сіяющіе кресты жертвы, смиренныя дѣянія, святую выносливость въ ежедневной борьбѣ, и честь, незапятнанную предъ Богомъ и соборомъ братьевъ“ [1]).

Устами Моры Совинскій какъ-бы говоритъ намъ: „Я хотѣлъ-бы, чтобы эти слова были вырѣзаны на моемъ гробѣ“.

А. В. С—ко.

[1]) См. пьесу „Fragment powieści“ п. VII. Poezye. T. II, стр. 22. Пьеса эта имѣла, очевидно, для Совинскаго автобіографическое значеніе. Поэтому намъ кажется, что отрывокъ изъ нея, приводимый Морой, въ связи съ предыдущими его словами—можетъ быть разсматриваемъ, какъ поэтическая характеристика Совинскимъ самого себя.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 6 іюня 1888 года.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.

Въ вышедшихъ 1—6 книжкахъ „Кіевской Старины“ 1888 года помѣщены слѣдующія статьи: Кіевъ въ 1766 г. **И. В. Лучицкаго.**— Грановщина. Эпизодъ изъ исторіи брацл. Украины. **В. Б. Антоновича.**— Ганна Монтовтъ. Истор.-бытов. очеркъ изъ жизни волынск. дворянства. **О. И. Левицкаго.**—Очеркъ литературной исторіи малорусск. нарѣчія въ XVII в. **П. И. Житецкаго.**—На рубежѣ. Романъ **Равиты.** Пер. съ пол. **К. М.**—Протестъ слободской Украины противъ реформы 1765 г. **И. В. Теличенка.**—Къ литературѣ рождественскихъ и пасхальныхъ виршъ. **В. П. Науменка.**—Къ исторіи колонизаціи слободской Украины. **Н. И. Петрова.**—Экономическія замѣтки и матеріалы. I. Рудни въ Сѣверщинѣ. **П. С. Ефименка.**—Нелишнее слово о виршахъ. **Михайлогорскаго.**—Алексѣй Алексѣевичъ Перовскій. **В. П. Горленка.**—Нѣжинская рада 1663 г. **А. А. Востокова**—Послѣдніе годы самоуправленія Кіева по Магдебург. праву. **И. М. Каманина.**—Сочиненія П. П. Артемовскаго-Гулака. **А. А. Потебни.**—Историч. очеркъ попытокъ католиковъ ввести въ южн и зап. Россію Григоріанскій календарь. **Н. Ѳ. Сумцова.**—Въ какомъ видѣ могутъ быть изображены св. равноап. князь Владиміръ и св. княг. Ольга и имѣемъ ли мы подлинныя ихъ изображенія. **П. Л.**—О началѣ христіанства въ Кіевѣ до торжеств. принятія христіанск. вѣры при св. Владимірѣ. **П. Л.**— Леонардъ Совинскій. **А. В. С—ка.**—Молотники (бытовой разсказъ). **Ганны Барвинокъ.**—Воспоминанія объ Архивѣ Государств. Совѣта. **А. В. Романовича-Славатинскаго.**

Въ отдѣлѣ критики помѣщены рецензіи: В. Б. Антоновича, Д. И. Багалѣя, П. В. Голубовскаго, В. П. Горленка, И. Ж., Г. З., И. М. Каманина, Мирона, Михаленко-Юрковскаго, Н. В. Молчановскаго, И. М., Ц. Г. Неймана, И. П. Новицкаго, Ѳ. Н., А. А. Русова, В. Я.

Въ отдѣлѣ „Документы, извѣстія и замѣтки“ помѣщены сообщенія: В. Б. Антоновича, Н. Н. Бакая, М. Ф. Владимірскаго-Буданова, В. П. Горленка, В. С. Иконникова, А. И. Залѣсскаго, П. А. Китицына, М. Ѳ. Комарова, И. Л—аго. А. Л., И. И. Манджуры, Н. М., Ѳ. М., Д. И. Петровскаго, Н. В. Стороженка, Н. Ѳ. Сумцова, И. В. Теличенко, В. Н. Чеважевскаго, Х. Н. Ящуржинскаго.

Обозрѣніе журналовъ и газетъ. Библіографическій указатель новыхъ книгъ.

Библіографическій указатель къ „Кіевской Старины“ за 1882—1887 гг.

Въ приложеніяхъ: Наказы малороссійскимъ депутатамъ 1767 г., видъ Запорожскаго храма и портретъ А. А. Перовскаго.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ Кіевской Старинѣ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта, или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, не записанныя думы сказки, легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ по мѣрѣ надобности будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній, одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для напечатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіе шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензіи.

Подписка на „Кіевскую Старину“ въ 1888 г. продолжается.

Цѣна за 12 книгъ, съ приложеніями и рисунками **10 р.** съ доставкою и пересылкою, на мѣстѣ **8 р. 50 к.**, за 6 книгъ **5 р.**, на мѣстѣ **4 р. 25 к.**

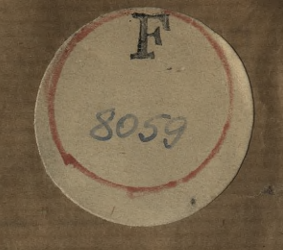
Для желающихъ допускается разсрочка въ уплатѣ подписныхъ денегъ со внесеніемъ по 5 р. или по 4 р. 25 к. передъ началомъ полугодія.

Подписка принимается въ редакціи журнала „Кіевская Старина“, Театральная ул. д. № 4, и на Крещатикѣ въ магазинахъ писче-бумажномъ Г. Т. Корчакъ-Новицкаго и книжныхъ: Оглоблина, Корейво, Гюнтера и Малецкаго, Динтера, Розова.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ редакціи продаются полные экземпляры „Кіевской Старины“ за годы 1883, 1884, 1885, 1887 по 5 р. за 12 книжекъ, съ пересылкою 6 р., за 12 книжекъ 1886 г. 9 р., съ пересылкою 10 р., отдѣльныя книжки журнала по 60 к., съ пересылкою 80 к.

Редакторъ-издатель **А. С. Лашкевичъ.**

F
8059